

Когда-то давно Сюй Ци трижды отказывал Цзян Яню, когда тот пытался за ним ухаживать. И каждый раз Цзян Янь с надеждой смотрел на него и умолял не блокировать, оставить хоть каплю шанса.

Он был из тех, кто редко проявляет инициативу. Даже когда его травили, он терпел молча. Ухаживания за Сюй Ци, вероятно, были самым смелым поступком в его жизни.

Тогда Сюй Ци казалось это милым, и сердце его невольно смягчалось. Он отвергал признания, но втайне с любопытством ждал: что еще сможет выкинуть этот молчун?

Теперь же назойливость Цзян Яня вызывала только раздражение.

— Говори прямо, чего ты хочешь, — сказал Сюй Ци.

Он хотел как можно скорее покончить с этой обузой, поставить точку в этой нелепой случайной встрече. Даже если бы Цзян Янь предложил привести людей и побить его, Сюй Ци бы просто кивнул, не колеблясь.

Но у Цзян Яня были другие планы.

— Я уже говорил: я хочу знать причину, по которой ты меня бросил.

— А потом ты надеешься на продолжение отношений, — голос Сюй Ци был ледяным. — В такие сказки даже семилетние дети не поверят. Не думаю, что ты настолько глуп.

Цзян Янь тихо спросил:

— А почему ты считаешь это глупостью?

— Тебя унизили, назвали мерзким, бросили в одностороннем порядке. Ты годами сох по этому человеку, а обнаружив, что он теперь жалкий курьер, лезешь из кожи вон, чтобы сойтись? Если это не глупость, то что?

Сюй Ци считал свои слова крайне резкими, но Цзян Янь оставался невозмутим. Он слышал вещи и похуже, причем тысячи раз.

— Я и тогда был таким же глупым, — сказал Цзян Янь. — Думал, что за эти годы поумнел, но, увидев тебя, понял, что нет.

Цзян Янь добавил:

— И я ни на секунду не верил, что те проклятия по телефону были искренними. Потому что я знаю, какой ты человек.

Сюй Ци в мгновение ока побледнел.

— Просто тогда у меня не было возможности найти тебя...

Сюй Ци перебил его, не дав договорить:

— Дам тебе совет.

— Советую тебе считать меня просто тезкой того Сюй Ци, — холодно произнес он. — То, что тебе в нем нравилось, давно исчезло. Того человека больше нет.

— Что это значит? — спросил Цзян Янь.

Сюй Ци не собирался давить на жалость, какой смысл рассказывать Цзян Яню о своих бедах? Он лишь бросил:

— Сейчас я просто никчемный тип. Тебе лучше оставить свои несбыточные фантазии.

Цзян Янь поджал губы, соображая, как продолжить разговор. Но, к его удивлению, Сюй Ци заговорил сам:

— Кем ты сейчас работаешь?

— В компании «Хунсинь», — быстро ответил Цзян Янь.

— Должность?

Цзян Янь замялся, прежде чем ответить: — ...Менеджер.

— Что ж, неплохо, стать менеджером в таком возрасте, — сказал Сюй Ци. — А единственное, как я теперь пересекаюсь с этой компанией – это когда изредка беру заказы на полдник и оставляю еду на ресепшене.

Его тон стал спокойным, уже не таким жестким. Если не вслушиваться в смысл, могло показаться, что старые друзья ведут светскую беседу.

— Я совершенно не такой, как раньше. Неважно, всерьез ты говоришь о возобновлении отношений или нет – для меня это звучит дико. Я даже рассматривать это не буду, да и в целом не планирую с тобой пересекаться.

— Ради твоего же блага, и ради моего тоже, давай сделаем вид, что этой встречи не было, — подытожил Сюй Ци. — Все, я кладу трубку.

Позже вечером телефон Сюй Ци зазвонил снова – это была Сюй Жань, его сестра. Он взял трубку и полчаса болтал с мамой и сестрой. С улыбкой сказав: «В дождь хорошо: никто не перехватывает заказы, а плата выше», он перевел на счет матери три тысячи юаней.

Завершив разговор, он какое-то время тупо смотрел в экран, и вдруг его захлестнула волна жгучей ненависти к самому себе.

Он зажал рот рукой, чувствуя тошноту, но привычно сдержался. Так было почти всегда после звонков родным. Сцепив зубы, он ущипнул себя за руку так сильно, что остался синяк, и только тогда отпустил. Сделав несколько глубоких вдохов, он заставил себя успокоиться.

Будильник стоял на пять утра – завтра нужно было рано выходить на завтраки. Сюй Ци лег в половину одиннадцатого, но сосед по комнате за стеной чем-то шумел, так что уснуть удалось лишь спустя полчаса.

В тяжелом забытии к нему пришел старый знакомый сон.

Сюй Жань сидит на больничной койке и плачет. Плачет оттого, что нога болит, плачет и просит: «Братик, спаси меня». А он стоит в дверях палаты и не смеет сделать ни шагу.

Он такой бесполезный, такой трусливый. Он все разрушил, но так и не смог ничего исправить.

<http://bllate.org/book/18222/1745562>